

ДМИТРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ МИХАЛОВСКИЙ
(1828-1905)

ТЬМА
(Из Байрона).

Я видел сон, как будто на-яву:
Погаснуло сияющее солнце,
По вечному пространству, без лучей
И без путей, блуждали мрачно звезды;
И в пустоте безлунной шар земной
Беспомощно повиснул, леденя.
С часами дня не появлялся день,
И в ужасе от тьмы, объявшей землю,
Забыли о страстях своих сердца,
Оцепенев в одной мольбе - о свете.

И от огней не отходил народ;
И троны и чертоги государей,
И хижины, и всякие жилища
Разобраны все были на костры,
И города до пепла выгорали.
Вокруг своих пылающих домов
Владельцы их сходились, чтоб друг другу
Взглянуть в лицо; счастливы были те,
Что жили близ вулканов пламеневших;
Надеждой лишь поддерживался мир.
Зажгли леса; но пламя истощалось
Час от часу; сгорая, деревья
Валились и угасали с треском -
И снова все тонуло в черной тьме.
Чело людей при умиравшем свете,
При отблесках последнего огня,
Вид призрачный какой-то принимало.
Одни из них лежали на земле
И плакали, закрыв лицо; другие,
Уткнувшись в ладони головой,
Сидели так, с бессмысленной улыбкой,
Иль, суеясь, пытались поддержать
Огонь костров, или, с безумным страхом,
На тусклые смотрели небеса, -
На пелену скончавшегося мира, -
И падали на прах земли опять,
С проклятиями, и скрежетом, и стоном.
И слышен был крик диких птиц, - в испуге
Они теперь метались по земле
И хлопали ненужными крылами;
Из логовищ шли к людям, присмирив,
С боязнию, свирепейшие звери;
И змеи средь толпы вились, шипя,
Но не вредя, - их убивали в пищу.
Война, было умолкшая на миг,
Теперь опять свирепо возгорелась;
Тут кровь была ценою за еду,
Особняком тут каждый насыщался,
В молчании угрюмом; никакой
Любви уже не оставалось в мире,
Все в нем слилось в одну лишь мысль - о смерти,
Немедленной, позорной, - и терзал